

П Е Т Р

Отрывки из романа
Книга третья

Долгорукий писал о том, что с при-
бытием русских войск в Сокаль ко-
роль Август опять воспринял чрезмерную
отвагу и хочет встречи на бранном поле
с королем Карлом, дабы с божьей помо-
щью генеральной батальей взять реванш
за конфузию при Клиссове. На это без-
зумство особенно подговаривают его фа-
воритки, — их теперь у него две и его
бытие сделалось весьма беспокойное.
Дмитрию Михайловичу Голицыну с вели-
кими трудами удалось отклонить его от
немедленной встречи с Карлом (который,
как хищный волчец, только того и ждет)
и указать ему путь на Варшаву, остав-
ленную Карлом с малой защитой. Что из
этого может произойти — одному богу из-
вестно...

Петр Алексеевич терпеливо слушал
длинное письмо, губа его с полоской уси-
ков поднималась, открывая зубы. Держу-
щей — пробормотал: «Союзники!» По-
додвинул чистый лист, скребнул ногтя-
ми в затылке, и, едва поспевая пером за
мыслями, начал писать, — ответ Долго-
рукому:

«...Еще напоминаю вашей милости,
чтобы не уставал отводить его величество
короля Августа от жестокого и пагубного
намерения. Он спешит искать генераль-
ного боя, надеясь на фортуна — сиречь
счастье, но сие точно в ведении одного
всевышнего... Нам же, человекам, разум-
но на ближнее смотреть, что — суть на
земле... Короче сказать, — искание ге-
нерального боя весьма для него опасно,
ибо в один час можно всё потерять... Не
удастся генеральный бой, — от чего
боже, боже сохрани и его да и нас всех,
— его величество Август не только от
неприятеля будет ввергнут в меланхолию,
но и от бешеных поляков, лишенных до-
бра отечеству своему, будет со срамом вы-
гнан и престола своего лишен... Для чего
же ввергать себя в такое бедство? Что же

ваша милость пишет о фаворитках, —
истинно сию горячку лечить нечем... Од-
но, — старайся с сими мадамками делать
симпатию и альянс...»

Дышать уже было нечем в слоях та-
бачного дыма. Петр Алексеевич с брыз-
гами подписал, — «Птр» и вышел из
шатра в нестерпимый зной. Отсюда, с
холма, была видна в стороне Нарвы
пыльная туча, поднятая обозами и вой-
сками, передвигавшимися из лагеря на
боевые позиции перед крепостью. Петр
Алексеевич провел ладонью по груди, по
белой коже, — медленно, сильно стучало
сердце. Тогда он стал глядеть туда, где в
необъятном стеклянном море отсюда не-
различимые дремали корабли адмирала де
Пру, набитые добром, которого хватило бы
на всю русскую армию. Земля и небо, и
море были в томлении, в ожидании, будто
остановилось само время. Вдруг много
черных птиц беспорядочно пронеслось ми-
мо холма к лесу. Петр Алексеевич задрал
голову, — так и есть! С юго-запада вы-
соко в раскаленное, как жезл, небо бы-
стро поднимались прозрачные пленки об-
лаков.

— Макаров! — позвал он. — Спо-
рить хочешь на десять ефимков?

Макаров сейчас же вышел из шатра,
— остроносый, пергаментный от усталос-
ти и бессонницы, с прямым ртом без
улыбки, и потащил из кармана кошелек:

— Как прикажешь, милостивый госу-
дарь...

Петр Алексеевич махнул на него ру-
кой:

— Пойди, скажи Нартову, чтоб под-
нял мне матросскую куртку, да зювестку,
да ботфорты... Да кренили бы хорошень-
ко шатер, не то унесет... Шторм будет
зпатный.

Море всегда завораживало, всегда тя-
нуло его к себе. В кожаной шапке, спу-
щенной на затылок, в широкой куртке

он ехал крупной рысью в сопровождении
полускадрона драгун к морскому берегу.
(В лагерь к Апраксину было послано за
двумя пушками и гренадерами). Солнце
жгло, как скорпион перед гибелью. Вер-
телись пыльные столбы на дорогах. По
морской целине полосами пробегали вет-
ры. Черная туча выползала из-за помра-
ченного горизонта. И море, наконец, дых-
нуло в лицо запахом водорослей и рыб-
ной чешчи. Ветер, усиливаясь, засыпал,
заревал во все нештуньи губы...

Придерживая зювестку, Петр Алексе-
евич весело скалился. Он соскочил с ко-
ня на песчаный берег, — солнце в по-
следний раз блеснуло из за клубившегося
края тучи, стеклянный свет побежал по
завивающимся волнам. Сразу всё потем-
нело. Валы катились выше и выше, —
обдавали водяной пылью. Громящая туча
из конца в конец озарялась мутны-
ми вспышками, будто ее поджигали. Ос-
лепила извилистая молния, упала близко
к волне. Рвануло так, что люди на берегу
присели, — обрушилось небо...

Около Петра Алексеевича очутился
Меншиков, — тоже в зювестке, в курт-
ке.

— Вот это шторм! Вот это — лю лю!
— прокричал ему Петр Алексеевич.

— Мин херц, до чего же ты догадлив...

— А ты сейчас только понял это?

— С добычей будем?

— Подожди, подожди...

Ждать пришлось не так долго. При
вспышках молний стали видны совсем
недалеко военные и купеческие корабли
адмирала де Пру, — буря гнала их к
берегу, на мель. Они будто плясали, —
раскачивались голые мачты, развевались
обрывки парусов, вздымались резные вы-
сокие кормы с Нептунами и морскими ле-
вами. Казалось — еще немного и весь
разметанный караван прибьет к берегу.

— Молодец! Молодец! — кричал Петр
Алексеевич. — Гляди, что делает! Вот
это адмирал! Бом кливера ставит! Фор-
стенга стакселя, фока стакселя ставит!
Триселя ставит! Эх, чорт! Учись, Дани-
лыч!

— Ох, уйдет, ох, уйдет! — стонал
Меншиков.

Изменился ли ветер немного или в
борьбе с морем взяло верх искусство ад-
мирала, — корабли его, лавируя на
штормовых парусах, понемногу стали
опять удаляться за горизонт. Только три
тяжелые груженные барки продолжало нести
на песчаные отмели. Треща, громяхая ре-
ями, хлеща ключьями парусины, — они
сели на мель шагах в трехстах от бере-
га. Огромные волны начали валить их,
перекатываясь, — смывали с палуб лод-
ки, бочки, ломали мачты.

— А ну, давай по ним огонь, с не-
долетом, для испуга! — крикнул Менши-
ков пушкарям.

Пушки рывкнули, и бомбы вскинули
воду близ борта одной из барж. В ответ
оттуда раздалась пистолетные выстрелы.
Петр Алексеевич влез на лошадь и по-
гнал ее в море. За ним с криками побе-
жали гренадеры. Меншикову пришлось
спешиться, — жеребёк заупрямился, —
и он тоже зашатал в мутных волнах, от-
плывавшая и крича:

— Эй, на барках! Прыгай в воду!
Сдавайся!

Шведов должно быть сильно испугал
вид всадника среди волн и огромные уса-
тые гренадеры, идущие на abordаж по
грудь в воде, ругаясь матерно и грозя
дымящимися гранатами. С барок стали
прыгать матросы и солдаты. Они протя-
гивали пистолеты и abordажные сабли:
«Москов, москов, друг», — и брели к
берегу, где их окружали коные драгу-
ны. Меншиков с гренадерами в свой че-
ред забрался на барку, на резную корму,
взял на аккорд капитана, — тут же
снисходительно похлопав его по спине и
вернув ему кортик, и кричал оттуда:

— Господин бомбардир, из трюмов по-

ванивает, но капитан обнадежил, что
сельди и солонину есть можно.

Войска обложили Нарву подковой, упи-
раясь в реку выше и ниже города. На
другой стороне реки точно так же был
окружен Ивангород. Рыли шанцы, об-
ставлялись частоколами и рогатками. Рус-
ский лагерь был шумный, дымный, пыль-
ный. Шведы с высоких стен утробно по-
глядывали. После шторма, разметавшего
флот де Пру, они были очень злы и
стреляли из пушек даже по отдельным
всадникам, скакавшим короткой дорогой
через луг мимо грозных бастионов.

По приказу Петра бочки с сельдами и
солониной, выгруженные с барок, были
на виду шведов привезены в лагерь, —
за телегами, украшенными ветвями, сол-
даты несли толстого голого мужика, об-
мотанного водорослями, и горланили ско-
ромную песню про адмирала де Пру и
генерала Горна. Бочки роздали по ротам
и батареям. Солдаты, помахивая вздетой
на штык селедкой или куском сала, кри-
чали: «Эй, швед, закуска есть!» Тогда
шведы не выдержали: затрубили в рожки,
забили в барабаны, мост опустили, и,
теснясь большими конями в воротах, вы-
ехал эскадрон кирасир, — нагнув головы
в ребристых шлемах, уставля широкие
шпаги меж конскими ушами, они тяжело
поскакали на русские шанцы. Пришлось,
побросав добро, отбиваться чем попало,
кольями, банниками, лопатами. Началась
свалка, поднялся крик. Тут кирасиры
увидели драгун, мчавшихся на них с
тыла, увидели лезущих через частокол
страшных гренадеров и повернули коней
обратно, — лишь несколько человек оста-
лось на лугу, да еще долго скакали
испуганные лошади без всадников и бе-
жали за ними русские солдаты.

Помимо таких вылазок шведы не вы-
казывали особенного беспокойства. Гене-
рал Горн, — как передавали языки, —
будто бы сказал: «Русских я не боюсь,
пускай с помощью своего Георгия-пободо-
носца осмелятся на штурм — угощу их
лучше, чем в семисотом году...». Зерна,
пороха и ядер у него было лотать, но

больше всего он надеялся на Шлиппен-
баха, ожидавшего подкреплений, чтобы
сделать русским жестокий сикурс. Стоял
он на ревельской дороге, в городке Ве-
зенберге. Это установил Александр Дани-
лович, сам ездивший в разведку.

Бездействовали и русские войска: —
вся осадная артиллерия — огромные сто-
нобитные пушки и мортиры для зажига-
ния города — все еще тащились из Нов-
города по непролазным дорогам. Без тя-
желого наряда нельзя было и думать о
штурме.

От фельдмаршала Бориса Петровича
Шереметева вести были тоже не слишком
бойкие: Юрьев он осадил, окопался, око-
роился, повел подкоп для пролома стены
и начал метать бомбы в город. «Зело нам
докучают шведы, — писал он в нарвский
лагерь Александру Даниловичу, — по
сие время не могу отбить пушечной и
мортирной стрельбы неприятеля; палат из
многих пушек залпами, проклятые, сажая-
ют враз по десяти бомбов в наши бата-
реи, а пуше всего стреляют по обозам. Так
же — бьемся — не можем достать язы-
ка из города, только выпило к нам два
человека, — чухны, ничего подлинно не
знают, одно бредят, что Шлиппенбах об-
надеживает город скорым сикурсом...»

Шлиппенбах был истинно занозой, кото-
рую налюбилось вытащить как можно ско-
рее. Об этом были все мысли Петра Алек-
сеевича. Тогда ночью Меншиков не об-
манул, — придя в шатер и выслав всех,
даже Нартова, он рассказал — какую
придумал хитрость, чтобы отбить охоту у
генерала Горна — налететь на Шлиппен-
баха. Петр Алексеевич сперва даже
рассердился «Спяну что ли придумал?..»
Но, — походил по шатру, поныхивая
трубочкой, и вдруг рассмеялся:

— А не плохо было бы одурочить
старика.

— Мин херц, одурочим, ей ей...

— Это твоё — «ей ей» — еще де-
шево стоит... А не выйдет ничего? Не в
шутку ответишь, куманек.

— Что ж, и отвечу... Не в первый
раз... На оном ответе всю жизнь живу...
— Делай!